



Мой университет

С. Н. Пензин

1952 ГОД: НАМ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ



В далеком 1952 году мне исполнилось двадцать. Большинству сокурсников — столько же. (Университету чуть больше — 34). Сказочный возраст, когда вся жизнь впереди и кажется, что удастся завоевать мир. Мы учились на втором курсе филологического отделения истфилфака ВГУ. Гордились главным в городе вузом, ошущали его притягательную силу, но уже освоились в нем, числили себя опытными старожилками.

По сравнению с сегодняшними студентами у нас было неоспоримое преимущество: гораздо больше свободного времени. Главная причина — дотелевизионная эпоха, когда не требовалось просиживать долгие часы перед экранами TV и компьютеров. Современной молодежи трудно представить, как это мы обходились без телевизора, Интернета, мобильных телефонов, дискотек и кафе. Но ВГУ 1952 года — это не одни лишь лекции, семинары, зачеты и экзамены; университет в полном смысле слова стал вторым домом (а для тех, кто жил в общежитии, — так и первым), помогал нам интересно и с пользой проводить досуг.

Так получилось, что занятия по курсу «Кино и современность» на отделении культурологии факультета философии и психологии ВГУ провожу в аудиториях 410 и 411 «красного» корпуса № 3 напротив почтамта. Заходя в них, каждый раз вспоминаю наши университетские спектакли пятидесятых годов; они проходили здесь, в тогдашнем главном корпусе. (Кстати, до войны ВГУ имел два клуба — со звуковыми киноустановками и хорошо оборудованными сценами.) Пятьдесят семь лет назад 410 аудитория была актовым залом, а 411 — его сценой. Знают ли студенты о том, что после войны в Воронеже еще не было оперного театра, а на сцене актового зала «красного» корпуса ставились фрагменты опер? Со своими солистами, хором и оркестром. Это при том, что ВГУ — не

академия искусств, актеров и музыкантов не выпускает.

Еще шла война, а уже действовал студенческий театр. Помню, как весь Воронеж рвался в «красный» корпус посмотреть легендарный спектакль «Царь Федор Иоаннович», поставленный к XXX-летию ВГУ. Однажды знакомые студенты взяли меня, восьмиклассника, с собой, и я до сих пор с восторгом вспоминаю Д. Егорова в роли царя Федора и В. Панкова в роли Б. Годунова. Надо ли говорить, как меня потрясли исторические костюмы, настоящие декорации. Спектакль был принят на ура, мы долго аплодировали юным актерам и их руководителю Анатолию Ивановичу Пальмину, который вышел раскланиваться с молотком в руках. Наверное, то была вершина в драмкружке ВГУ, оставшаяся непревзойденной.

«За научные кадры» — так называлась раньше многотиражка ВГУ. Сокурсница Лена Рагозина сохранила все ее номера за пять лет нашего пребывания на истфилфаке. Настоящий клад! Сквозь пожелтевшие листы проступают картины полувековой давности, которые успели зарости травой забвения. Для нас в пятидесятые годы газета была «хроникой текущих событий»; для историков — бесценный дар, летопись послевоенного ВГУ. В номере «ЗНК» за 29 мая 1952 года меня заинтересовала статья О. Нейман «Наша художественная самодеятельность». В ней подводятся итоги того, что ныне зовется «университетской весной», а тогда — смотром художественной самодеятельности. Химфак занял первое место, физмат — второе, мы — третье. Всего в ту пору было шесть факультетов; четвертое место досталось географам, пятое — биолого-почвенному факультету, последнее — геологам.

В 1952 году работало 7 общеуниверситетских кружков самодеятельности — выбрать было из чего. «Больших успехов добился в этом году хоровой кружок под руководством

В. В. Ефимова. Хор ВГУ очень хорошо выступил на городском смотре, разделив первое место с хором лесохозяйственного института. Драмкружок под руководством А. И. Пальмина поставил пьесу Любимовой «Под солнечным небом» и занял 1-е место в городском смотре». Эти сообщения могу прокомментировать. В хоре пела сокурсница, моя будущая жена Альбина Борисовна Смирнова, и я бегал на концерты, в которых она участвовала. Естественно, глаз не отрывал от суженой. Ну а в спектакле «Под солнечным небом» участвовал сам, тогдашний второкурсник. Роли первых любовников в драмкружке мне не доставались, но и жаловаться, что занимали лишь в массовках, тоже не могу. Но ведь неслучайно теперь на всех фестивалях введены призы и за роли второго плана. К тому же драмкружок был отличным местом для знакомства со студентами других курсов и факультетов. Короче, на первом и втором курсах многие вечера проводил в зале на четвертом этаже «красного» корпуса.

Сегодня понимаю, что спектакль по пьесе В. Любимовой «Под солнечным небом» был откликом на злобу дня — о борьбе за мир итальянских трудящихся. А чего, спрашивается, за него бороться, не войей да и все. Пьеса о современности, костюмы у нас были свои. Расшифровывая название, я справедливо решил, что дело происходит летом, и шеголял на сцене с белых брюках, что по тем временам было редкостью. И еще мне нравилось, что по ходу действия меня должна была целовать итальянская девица, которую представляла Р. Кузнецова.

В актовом зале «красного» корпуса с громадным интересом наблюдал трудоемкий процесс рождения представления, которому предшествовали многочисленные репетиции. Помню, накануне премьеры «Под солнечным небом» Анатолий Иванович Пальмин остался на всю ночь в зале с осветителем и звуковиком. (Днем работать было нельзя — там шли поточные лекции для нескольких факультетов.) Я пропустил последний трамвай домой и остался ночевать в корпусе. Как было интересно! Лишь под утро Анатолий Иванович сказал: «Ну вот, кажется спектакль получился». Помню, как я удивился, ведь на сцене всю ночь не было ни одного исполнителя. А я-то думал, что для рождения спектакля достаточно нас, актеров. Лишь через много лет, учась в аспирантуре ВГИКа, узнал о главном средстве кинематографа — монтаже. Наш руководитель точно так же занимался монтажом будущего спектакля.

В том же 1952 году отмечалось столетие со дня смерти Н. Гоголя. Драмтеатр приурочил к этой дате постановку «Ревизора», а Анатолий Иванович на торжественном вечере в ВГУ решил показать фрагмент из бессмертной комедии. Мне досталась почти бессловесная роль Добчинского. Гордился, что во время представления удалось вызвать смех в зале: на предложение нам, Добчинскому и Бобчинскому, сесть, со всего роста плюхнулся на стул.

На третьем смотре студенческой художественной самодеятельности драмколлектив ВГУ занял первое место, показав спектакль по пьесе А. Штейна «Закон чести». Парадокс: на этот раз гордиться было нечем, ибо драматург предавал анафеме нашу интеллигенцию, науку. В конце шестидесятых, когда уже преподавал в ВГУ, познакомился с Леонидом Владимировичем Кривцуном, который студентом играл одну из главных ролей в том приснопмятном спектакле. На вопрос, как могли быть подобные перепады от золотой классики к поделке продажного драмдепата, Кривцун, ставший позже профессором Московского пединститута, ответил: «Увы, таково было время. Университет обяжали откликнуться на борьбу с космополитизмом и прочими “измами”...». С тех пор драмколлектив ВГУ ставил спектакли исключительно по пьесам советских драматургов: «Голос Америки» Б. Лавринева, «Студент третьего курса» Л. Березина и В. Давидсона, «Весна в Москве» В. Гусева, «Чудак» А. Афиногенова, «Домик на окраине» А. Арбузова. В этих спектаклях блистали звезды университетской сцены Г. Никифорова, В. Юдин, красавец В. Скогарев (впоследствии замдекана филологического факультета), И. Масленников, И. Лебедева, Л. Иванчикова, З. Шаталова, Л. Гуревич, Б. Замбровский.

Все пять лет, что мы учились в ВГУ, старостой драмкружка оставалась наша сокурсница Эльза Глистенко. В многотиражке «ЗНК» нашел рецензию на спектакль «Чудак», которую украшает снимок Васи Скогарева, обнимающего Эльзу: «Э. Глистенко — исполнительница роли Юлии — в первых двух действиях раскрывает этот образ достаточно полно, но в последующем выразительность ее игры бледнеет... Зритель не видит сложных переживаний Юлии. Поэтому ее минутный порыв, попытка исправить ошибку кажутся психологически неоправданными. Глистенко должна продумать свой образ и поработать над ним». На мой взгляд, рецензент излишне строг, Эльза вела себя на сцене актового зала вполне естественно. Но лестно, что игра бу-

душей учительницы анализируется, как если бы речь шла о профессиональной актрисе.

Эльза лучше многих из нас знала историю драмкружка, т. к. уже в школьные годы была тесно связана с университетом: ее отец доцент химфака Николай Иванович Глистенко (1906—1985) в самом начале войны в связи с уходом Н. П. Латышева в армию был назначен ректором ВГУ. С 1972 года Эльза Николаевна живет в Москве. В последнем телефонном разговоре с ней я упомянул, что готовлю воспоминания об университетских спектаклях и спросил, не сохранились ли у нее фотографии? «Я их берегу, если нужно, — пришлю», — ответила Эльза Николаевна. И вскоре получил от нее два заказных конверта: один с фото, другой с рассказом о студенческой студии. Привожу отрывок из ее письма:

«Я еще до поступления в университет ходила с отцом на все смотры и спектакли университетских талантов. И мечтала тоже когда-нибудь поучаствовать. Это удалось, и я была счастлива. С драмкружком университета связаны 5 лет моей учебы. До сих пор вспоминаю все репетиции, которые иногда заканчивались глубокой ночью. А сколько волнений было перед каждым выпуском спектакля! Не хватало реквизита, нарядов. Несли из дома, занимали у товарищей. Помню, как к каждому спектаклю «Студент третьего курса» моя мама пекла пирожки (они нужны были по ходу действия). А к юбилейному спектаклю «Домик на окраине» приносила из дома много вещей для создания нужного интерьера.

Кстати, этот спектакль стал, пожалуй, самым трудным для всех участников. Ведь он был приурочен к 10-летию драмкружка. Мы очень волновались, переживали, т. к. знали, что смотреть его будут и те, кто играл в начале становления нашего драматического кружка, и те, кто видел самые первые постановки. Будут сравнивать, говорить. Не хотелось подвести Анатолия Ивановича; мы жаждали доказать, что достойно продолжаем все то, что сделано до нас. Помню, как мы все обрадовались приглашению выступить с этим спектаклем на сцене Воронежского театра музыкальной комедии (помещение нынешней филармонии). Это было почетно и очень трудно. Ведь сцена там гораздо больше университетской. Надо было к этому приспособиться и тем, кто устанавливал декорации, и нам, актерам. А времени для «прогона» спектакля практически не было.

Для меня этот спектакль был важен. То был последний мой выход на сцену. Я испытала огромное удовольствие не только от игры, но и от того отзыва, который услышала от за-

служенной артистки РСФСР Веры Георгиевны Рошиной, бессменного члена жюри городского конкурса драмкружков. Она проследила возрастающий рост моей «актерской деятельности» от первого до последнего выступления. Это одно из самых приятных воспоминаний.

Драмкружок — особая страница моей жизни. Он дал мне очень много. Работая в школах и Воронежа, и Москвы, я по возможности прибегала к инсценировкам, постановкам небольших фрагментов из русской и советской классики: «Предложение», «Юбилей» Чехова, отрывки из произведений Гоголя («Ревизор»), Грибоедова («Горе от ума»), Пушкина («Барышня-крестьянка»), Маяковского («Клоп»), Гайдара («Школа» и др.). Конечно же, очень помогли мне те уроки, которые нам преподавал Анатолий Иванович. Подбирая ребят на ту или иную роль, я думала: «А вот Анатолий Иванович выбрал бы его? А почему? Что именно заставило остановиться на нем?». И грамоты, полученные за все 5 сыгранных мною в ВГУ спектаклей, за 1-е место на конкурсах (городских и областных) чтцов, бережно храню, время от времени перечитываю, рассматриваю фото из спектаклей и вспоминаю дорогое для меня время...».

Особенность любого творческого коллектива учебного заведения — текучесть кадров. Уходили после окончания университета «старички», — приходили на их место первокурсники. Драмстудия ВГУ пополнялась за счет выпускников Дворца пионеров. Это Р. Кузнецова, Г. Войцеховский, В. Дубинин, Л. Березуцкая, М. Трофимовский. Подлинными энтузиастами студенческого театра были «невидимые» участники спектаклей: Б. Мошак ведал световым оформлением, В. Иванов — звуковым.

Среди благодарных зрительских откликов на 10-летие драмкружка обнаружил заметку нашего незабвенного сокурсника Юры Сурмы. Ему понравились три спектакля: «Под солнечным небом», «Весна в Москве», «Чудак». Основным направлением драмколлектива он считал «лирико-сатирическое» («Верно раскрыты сатирические, обличительные типы»). «Хочется пожелать в день 10-летия всему коллективу все так же бодро шествовать по пути к зрелости и никогда не прийти к творческой старости», — напутствовал в заключение Юра.

5 марта 1955 года, когда драмколлектив отмечал свое десятилетие, в многотиражке «За научные кадры» Анатолий Иванович подробно рассказал историю драмкружка, который был создан в войну, незадолго до Победы.

Еще шли бои, многие студенты были на фронте, так что мужской состав был малочислен. Репертуар составлялся из скетчей, небольших сенок. Затем перешли к постановке одноактных пьес. Когда в ВГУ появились демобилизованные студенты, в сокращенном варианте поставили пьесу Тарбитого «Юность отцов». «Университет почти не отапливался, — вспоминал Анатолий Иванович, — студенты, не раздеваясь, занимались по 8—10 часов. Усталые (и часто голодные) шли после лекций на репетиции!»

В 1946—1947 учебном году в Воронеже состоялся первый смотр вузовской самодеятельности. Университет был представлен на нем монтажом двух пьес: «Маскарад» Лермонтова и «Разлом» Б. Лавренева. Жюри отметило игру студентов Леоновой (Нина и Татьяна), Медянского (Арбенин, Штаубе), Егорова (Берсенева). 1948—1949 годы — переломные для драмкружка. Анатолий Иванович добился от ректората переоборудования актового зала и сцены, улучшения освещения. Стали выделяться средства на оформление спектаклей. Были созданы условия для серьезных работ.

15 марта 2007 года в Доме актера отмечалось столетие со дня рождения А. И. Пальмина, который играл на сцене Воронежского драмтеатра с небольшими перерывами с 1927 года. Помню, весной 1951 года у нас, первокурсников истфилфака, состоялся культпоход в театр на спектакль «Дядя Ваня». Мне в ту пору нравилось абсолютно все, что я видел на сцене. Спектакль, естественно, всех нас очаровал, но, признаюсь, я глаз не спускал с Анатолия Ивановича, который играл профессора Серебрякова. Помню его Багратиона в одном из первых увиденных мною после войны спектаклей — «Фельдмаршале Кутузове». Запомнился он мне и в «Великом государе».

Последняя постановка Пальмина на сцене актового зала ВГУ — комедия А. Новогрудского «Неразлучные». Здесь требуется «лирическое отступление», потому что Александр Евсеевич Новогрудский сыграл важную роль в моей жизни. Он был председателем секции теории и критики Союза кинематографистов СССР, в 1974 году принимал меня в члены Союза. Потом приглашал на семинары кинокритиков в Болшево, дарил пропуска в кинотеатр «Зарядье» на просмотры конкурса неигрового кино, на котором он директорствовал во время Московских международных кинофестивалей...

Когда мы еще учились в ВГУ, у Анатолия Ивановича случился первый инфаркт. Летом

1958 года уехал с театром на гастроли в Минводы, в Кисловодске принимал нарзанные ванны для облегчения постоянных болей в позвоночнике. Ванны — перегрузки, после них положено полчаса полежать. Анатолий Иванович постоянно спешил на репетиции, спектакли. Возможно, это спровоцировало повторный инфаркт. 28 августа А. И. Пальмина не стало. В фойе был задрапирован в бархат высокий постамент, играл оркестр театра. У гроба сидела Зоя Владимировна Белозорова (режиссер театра и TV) и повторяла: «Толя, Толя...».

Более чем через полвека вспоминаю Анатолия Ивановича и его спектакли в ВГУ с искренней благодарностью. Чем привлекает юную личность самодеятельная сцена? Среди множества причин — желание ощутить себя «другим», побывать, как говорится, в «чужой шкуре». Короче — жажда познания окружающих людей, возможность примерить на себе еще одну роль. Надо ли говорить, сколь это важно и полезно. Да и просто невольно смотришь на себя на сцене как бы со стороны, анализируешь, как двигаешься, как «держишь спину», как садишься, разговариваешь, какая у тебя дикция. Возможен и такой ответ: нас притягивает детство, хочется вновь «поиграть».

Сокурсники, которые пошли работать в школу, организовывали там драмкружки. Опыт выступления на студенческой сцене пригодился и во время педпрактики. Не случайно дифирамбы в адрес сокурсников на педпрактике в 11 школе в статье в «ЗНК» доцента Н. П. Соколовой: «Почти все перемены студенты проводят с ребятами, часто остаются по их просьбе после уроков. Большой успех имело чтение комедии “Недоросль” в лицах, которое провели в 8-м классе Д. Демин, В. Золотухина и Ю. Сурма, и драмы “Гроза” в 9-м классе, организованное К. Николаевым, Р. Бобровой и Л. Дорофеевой».

Вернемся в 1952 год, к заметке О. Нейман о художественной самодеятельности: «Хорошо подготовился в этом году кружок солистов (староста ст-ка Хаит). Им показано 7 оперных отрывков: 2 сцены из оперы Мейтуса “Молодая гвардия”, сцена письма Татьяны из оперы Чайковского “Евгений Онегин”, из оперы Николаи “Виндзорские проказницы”, из оперы Гулак-Артемьевского “Запорожец за Дунаем” и др. В городском смотре сольный кружок занял первое место. Наши лучшие исполнители Карлова, Владимирова (ныне Е. Барышкова), Хаит, Терновская, Комаровская, Кириллова, Мусинова, Савина, Богодухова, Бобков, Мар-

ценюк, Кириченко и другие выступали с большим успехом.

Хореографический кружок под руководством К. Я. Христич подготовил к смотру разнообразных номеров: «Вальс цветов» из балета Чайковского «Шелкунчик», «Краковяк» из оперы Глинки «Иван Сусанин» и различные народные танцы. Неудачно выступили наши оркестры. Музыкальный ансамбль был только организован в этом году, еще не окреп и нуждался в существенной помощи...».

Ну, каково? Все играют, пляшут и поют... А в статье еще масса комплиментов в адрес чтецов (Скогарев, Синица, Зайцева, Гуревич, Попов, Чудинова, Фрумина), виолончелиста Афанасьева (истфилфак), скрипача-географа Малахова, пианиста-геолога Лазарева, «Перепляса», поставленного Манжулой с физмата. И много чего еще. Прямо не учебное заведение, а театр эстрады, драмы, оперы и балета. Или пароход с народными талантами из довоенного мюзикла «Волга-Волга», на котором всех воодушевляет почтальон Стрелка (Любовь Орлова, приезжавшая к нам в Воронеж до и после войны). Помните коронную реплику Бывалого-Ильинского? Выслушав пение Стрелки, он хмыкает недоверчиво: «Ха-ха, ерунда! У вас никто так петь не может. Чтобы так петь, — двадцать лет учиться нужно!».

Как видите, в труднейшее послевоенное время в университете закладывались традиции, которыми сегодня он по праву гордится: вуз — это учебный процесс плюс воспитательная среда. Название знаменитого фильма П. Уира «Общество мертвых поэтов» расшифровывается еще и так: у каждого из нас обязательно есть какие-либо художественные способности, но в силу множества условий они у абсолютного большинства остаются нереализованными. Скажем, талант живописца достался физику, а музыканта — химику. И те могут свой художественный дар похоронить. В результате и возникает «общество мертвых» (т. е. нереализованных, не состоявшихся) художников». ВГУ в далеком 1952 году предпринимал усилия, чтобы подобного с его питомцами не произошло. Другими словами, университет предвосхитил идею гуманитаризации образования, о которой заговорили в педагогике высшей школы много позже.

В подборке многотиражки «За научные кадры» встретились выпуски с сатирическими рисунками. На одном из них парень тащит воз с бумагами «решения», «планы», на которых восседают трое студентов. Оказывается, за весь профком ВГУ работал один лишь председатель:

*Ему не до потех.
(Взгляните на него!)
Один везет за всех,
А все на одного.*

Стихотворная подтекстовка нашего Димы Демина. Вон когда проявился его дар, приведший позже к сотрудничеству с Кукрыниксами, В. Фюмичевым и другими прославленными карикатуристами. Дима был нашим первым старостой, в одной из заметок в «ЗНК» хваливал ответы на семинарах В. Зютухиной, А. Андреева, В. Листенгартена. В «Литературном уголке» — подборка стихов Димы: «Ходит песня», «На соседней улице», «Куплеты студента Курочкина». А внизу, в новой статье о студенческой самодеятельности, опять «наши»: «Большой популярностью в университете пользуются музыкальные произведения Юрия Удодова. Его новую лирическую песенку “Почему?” (слова Д. Демина) в исполнении Колпаковой тепло встретили зрители». Публиковался в газете и другой наш поэт — Вася Кириченко.

В жизни Воронежского университета в послевоенное время видное место занимали не только наука, но и поэзия, музыка, театр, кино, светопись. Сошлюсь на выпускников ВГУ, которых хорошо знал. Сокурсники Д. Демина и В. Кириченко выпустили несколько поэтических сборников, а сокурсник Т. Рябко — шесть сборников фотоновелл; сын Анатолия Ивановича геолог И. Пальмин удостоен Государственной премии за фотографии; физик Е. Барышкова стала оперной певицей; химик Л. Гуревич, выпускник факультета романо-германской филологии А. Гришин, филолог Г. Евтушенко прославились на весь мир своими фильмами. А выпускники истфилфака 1953 года Г. Бодренко и В. Золотарев — первые режиссеры Воронежской студии телевидения.

Напомню, время было тяжелое, шел последний год жизни Сталина, гайки завинчивались все туже. Показателен в этом отношении случай с нашим культпоходом на концерт Александра Вертинского. Не могу понять в чем дело, но легкая музыка и особенно джаз тогда были не то что под полным запретом, но считались нежелательными посланцами буржуазной культуры. (В «Крокодиле» была карикатура на «стилягу»: «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст».) В нашем корпусе на улице Фр. Энгельса в поточной аудитории № 11 по субботам и воскресеньям устраивались вечера отдыха. Выносились столы и стулья, устанавливалась радиолы и начинались долгожданные танцы. В ту пору на «толкучке» продавались самодельные пластинки в

виде рентгеновских пленок с нанесенными на них звуковыми дорожками. Дома мы запойно слушали Утесова, Шульженко, Лещенко, сосланного на Колыму Козина. Живой легендой в ту пору был Александр Вертинский; его популярность могу сравнить лишь с более поздней «магнитофонной» славой Высоцкого. Но в стенах университета разрешалось звучать лишь музыке для так называемых «бальных» танцев (вальс, полька, падекатр, падеспань, падеграс и им подобные). Фокстрот, танго — ни-ни. Хорошо помню, как мы упрашивали преподавателя, ответственного за вечер, позвонить ректору (!) и попросить сделать исключение. И добрейший Николай Петрович Латышев отвечал: «Ну хорошо, один раз фокстрот поставьте». Мы ставили — и одна и та же пластинка крутилась чуть не до конца танцев.

А теперь представьте наш восторг, когда мы узнали, что в Воронеже состоятся гастроли Александра Вертинского. Решено было внести мероприятие в план работы комсорга: отправиться на него всем вторым курсом филологического отделения. Сказано — сделано: составлена коллективная заявка, куплены билеты. Надо ли говорить, что зал клуба им. Дзержинского (ныне ТЮЗ), где проходили сольные концерты нашего кумира, был переполнен. Мы с приятелем были молоды, любопытны, нахальны. Незадолго до того слушали в редакции «Коммуны» выступление самого Твардовского и, решив продолжить коллекцию встреч со знаменитостями, дерзнули в антракте ринуться к самому Вертинскому. Не помню, как нам удалось проникнуть за кулисы и войти в комнату, в которой сидел за столом великий гастролер. Перед ним на блюде лежали дольки апельсина. Мы с порога стали высказывать слова восхищения и благодарности за приезд в Воронеж и осведомились, можно ли задать несколько вопросов. Александр Николаевич отствовал:

— Молодые люди, спасибо на добром слове, но прошу меня извинить: сейчас я должен подготовиться ко второму отделению, а поздно вечером у меня поезд. Желая всего хорошего!

Мы, конечно, ретировались. Жалею, что не попросили автографа. Но фотографий певца у нас не было, его открыток, естественно, не выпускали. Он не упоминается даже в Советском энциклопедическом словаре 1981 года! Тем не менее вряд ли в то время нашелся бы в стране грамотный человек, который не слышал бы этого имени. Но не все от него были в восторге. Сокурсница Лариса Доро-

феева вспоминает: «Наша группа устроила культпоход на концерт Вертинского, за что нас “пропесочили”, обвинив в безыдейшине. Припоминаю, как комсорг возмушалась на перемене: “Откуда я знала, что не надо было ходить. В афише — артист, лауреат Сталинской премии...”».

Для тех, кто мало знаком с биографией поэта и певца, напомним, что в ноябре 1920 года он эмигрировал. Почти четверть века — 23 года — провел «вдали от родины, в чужом краю». Вторая причина, за что его не жаловало начальство, — репертуар песен о «бананово-лимонном Сингапуре». Но и комсорг была по-своему права: Вертинский действительно в 1950 году получил Сталинскую премию II степени за исполнение роли кардинала в фильме «Заговор обреченных». Так что нас пожурили и оставили в покое. Но «оргвыводы» наша группа сделала: на концерты И. Дунаевского, С. Кочаряна, который великолепно читал с эстрады новеллы «Декамерона», сказки «Тысячи и одной ночи» и иную фривольную классику, мы ходили уже не «строим», а каждый сам по себе.

Кстати, дебют Вертинского в «синеме» состоялся в 1912 году. Сын Льва Толстого Илья Львович после смерти отца задумал экранизировать его рассказ «Чем люди живы». Но никто не соглашался играть ангела, изгнанного с неба и попавшего в семью бедного сапожника. Дело в том, что ангел по ходу сюжета должен был упасть в снег совершенно обнаженным. А зимы в ту пору были суровые, не как сейчас. Вертинский, который был тогда молод, согласился. Позже он вспоминал: «...Раздевшись в маленькой карете догола, выпил полбутылки коньяку. Потом влез на крышу амбара и прыгнул оттуда в снег... Осмотрелся кругом (по роли) и пошел по дороге вдаль. Съемка заняла пять минут, но тело мое стало совершенно стеклянным. Я околел... В избе оттирали снегом и отпаивали коньяком. Как-то старуха горько плакала надо мной, жалобно причитая:

— И... беденький... Как же ты так допился, сердешный? Кто же тебя ограбил, роденький? Догола раздели... Совести у людей нет!...».

Не забывал о нас университет и во время летних каникул. Из самых ярких впечатлений жаркого лета 1952 года — диалектологическая экспедиция и военные лагеря. К концу второго курса у нас, филологов, произошла «специализация», мы разделились на литературоведов и лингвистов. Мне по молодости казалось, что в оценке творчества не может

быть объективных критериев, языкознание представлялось более точной наукой. Поэтому записался в лингвисты и откликнулся на предложение поехать летом на диалектологическую практику.

Помню, был горд, впервые в жизни получив «командировочные». Нас было трое: руководитель экспедиции аспирант незабвенный Иван Торопцев, первокурсник-филолог Василий и я. В середине июля мы с Васей сели в поезд Воронеж—Калач, ночью прибыли в Бобров, где нас встретил Иван и отвел в гостиницу. А утром на своих двоих (автобусного сообщения в районах области тогда еще не было) отправились в дальнее село на Битюге. Ах, Пчелиновка! Я пробыл в ней две недели, но она осталась у меня среди самых дорогих воспоминаний. Мне все было там в радость и удовольствие. Мы жили в домике у старушки на берегу одной из чудных рек нашего края — Битюга, притока Дона. За рекой — лес. Помнится, это курортное местечко облюбовали москвичи и приезжали снимать там дачи. Село раскинулось на большом расстоянии на пригорках. Нашими объектами стали пожилые колхозницы (чуть было не сказал — пенсионерки, но пенсий колхозникам в то время не платили). Они нам охотно повествовали о прошлой жизни, многие помнили рассказы своих бабушек и дедушек о крепостном праве. Ну и главное — мы записывали (авторучками — никаких магнитофонов в ту пору не существовало) слова песен, сказки, частушки. Признаюсь, многие в отчет не годились. Дело не только в так называемой ненормативной лексике, но и содержании. Например:

*Сидит кошка на окошке,
К ней подходит бригадир:
Иди кошка на работу,
А то хлеба не дадим.*

Таким образом, наша экспедиция автоматически стала комбинированной: фольклорно-лингвистической. У меня был с собой ФЭД, по моей просьбе бабуси доставали из сундуков кокошники, панёвы и прочие старинные наряды, одевали их и охотно позировали. Один из таких снимков под заголовком «Охотники заговором» опубликовал в нашей газете «За научные кадры». Что касается диалектов, то хотите — верьте, хотите — нет, но я на всю жизнь научился распознавать, откуда родом мой собеседник по тому, как он произносит «фрикативное» Г, «акает», «якает», «окает» и по другим звукам. Позже убедился: выговору коренных воронежцев могут позавидовать москвичи — все в норме. Кста-

ти, «охотники заговором» в ВГУ не перевелись, на филфаке видел недавно фотостенд «Исторические хроники. Диалектологическая практика 2008 года» с прекрасными цветными иллюстрациями. Техника теперь другая, но у нас на черно-белой пленке было снято гораздо больше старинных костюмов, да и портретов пчелиновских бабусь.

Я был сугубо городским парнишкой, впервые попавшим в глухую воронежскую деревню. Мы, «дети войны», натерпелись лиха; жизнь была трудной и после Победы. Но по сравнению с деревенскими со стыдом чувствовали себя «барчуками». В Пчелиновке не было самого необходимого: электричества, библиотеки, хлеба, бани, стоматолога и многого другого. Пацаны всех возрастов купались в речке голышом, трусов ни у кого не имелось. Спасибо я был приучен дома к любой работе и варил нам обеды.

Из Пчелиновки мы должны были через Бобров перебраться вверх по Битюгу в более крупное село — Коршево. Но я с сожалением своих новых друзей покинул: мне пора было отправляться в военные лагеря. Двадцать незабываемых дней военных сборов на берегу Сейма под Клюквой — это отдельная «песня» со своим, солдатским фольклором:

*Скоро мы домой поедem, поедem!
Не будем есть овсяных каш.
Не будет страшен нам Медведев
И окаанный Сабаташ.*

Я овсянку полюбил навсегда и начинаю с нее каждое утро. С упомянутыми солдатами-срочниками, командовавшими отделениями, мы быстро нашли общий язык. Повезло и с комвзвода: он заставлял нас ползать по-пластунски лишь первые дни, а потом отводил в дальний лес и командовал: «Вольно! Разойдись!» Однажды разрешил даже искупаться в речке.

Помнится, в 1952 году было обидно, что отсутствует равенство; у одних свободного времени оказалось больше. Речь, каюсь, о наших девчонках. У всех трудящихся выходных было не два, как сейчас, а лишь один — воскресенье. А у наших девочек — еще один день среди недели, когда у нас, мальчишек, — военное дело. Плюс у девушек были длиннее летние каникулы; мы ведь дважды на три недели отбывали в военные лагеря. Признаюсь, садясь в теплушку, чтобы следовать в Курск, с завистью смотрел на сокурсниц, приходивших нас провожать: они будут плавать и нырять в речке, а мы — под палящим августовским солнцем шагать в строю со скаткой (скатанной шинелью)

и винтовкой за плечами. Не могу, к слову, не назвать еще одно неоспоримое преимущество нашей послевоенной юности: в Воронеже была речка. Чтобы поплавать и позагорать, не нужно было ехать куда-либо на электричке: чудная река Воронеж, окруженная пойменными лугами и дубравами, протекала через весь наш город с севера на юг. Купание в ней — одна из главных радостей студенческих лет. Сокурсник Юра Кульченко жил недалеко от стадиона «Динамо»; мы ходили с ним плавать за станцию юных натуралистов или чуть дальше — к железнодорожным мостам у Отрожки. Там был цветущий луг, а у самой воды — купы ивы, черной ольхи, осины, черемухи. Хлопцы посмелее прыгали в воду с веревок, привязанных к деревьям, и даже с высокого железнодорожного моста. Вода была проточной и на редкость прозрачной, у берегов росли лилии и кувшинки. Сохранялось много удобных для купания небольших стариц, оставшихся от прежнего русла.

Серьезнее было другое неравенство — «классическое», связанное с имущественным расслоением. Его ощущал в тысячу раз болезненнее, нежели невинные лагеря. Мне было стыдно, что я, городской парень, одет, обут. В 1952 году мама привезла из Москвы два отреза (в Воронеже с промтоварами были трудности), мне сшили после второго курса осеннее и зимнее пальто, костюм с накладными — по моде — карманами; с сокурсницей (будущей «лучшей половинкой») купили мне фетровую шляпу. Короче, сделали шеголем. А мои дружки, приехавшие из села, продолжали ходить в телогрейках. Наш корпус располагался рядом с вокзалом; парни отправлялись после лекций подзаработать — разгружать товарные вагоны. Я начал работать еще в школе: помогал отцу-художнику писать афиши для летних киноплощадок, лозунги к праздникам. Все пять лет, что учился в ВГУ, афиши расположенного напротив нашего корпуса летнего кинотеатра «Первомайский» были моими. Я обновлял их трижды в неделю, по два шита на каждый фильм. После занятий специально шел не на ближайшую трамвайную остановку на вокзале, а на проспект, чтобы полюбоваться своей новой афишей. А вечером (фильмы шли под открытым небом: крыши тогда еще не было) проводил кого-нибудь из сокурсников в кино, небрежно говоря контролерам: «Это со мной».

Куда в ту пору весенним или летним вечером могли отправиться студенты? В парки, куда же еще. (До начала телевизионной эпохи оставалось пять лет.) Коренные воронежцы с грустью вспоминают сад, раскинувшийся на

большой территории между «Спартак» и клубом им. Дзержинского (ныне ТЮЗ). Днем его заполняли мамы и бабушки с колясками, а вечером — мы, молодежь со всего города. Всегда было многолюдно и в других садах на проспекте — в Первомайском, Дома офицеров и в расположенном напротив саде Строителей. Днем вход свободный, вечером — плати рубль, если ты шел не на танцплощадку или в кино. Главным был Центральный парк культуры и отдыха им. Кагановича за стадионом «Динамо». Дело не только в том, что он был самым большим лесопарком. Он находился на окраине города, микрорайона «Березовая роща» тогда не существовало. Поэтому сюда мы ездили как за город — на весь день, с провиантом для пикника. Рядом — река, а в парке — полный выбор аттракционов: комната смеха, колесо обозрения и т. д. И самый вместительный летний театр: большая сцена и скамейки под открытым небом. Здесь мы слушали бесплатно выступления симфонического оркестра Воронежской филармонии. Центральный парк был таким же излюбленным местом отдыха студенчества, как, к примеру, Воробьевы горы в Москве.

В нашей группе не я один подрабатывал умением рисовать. Дима Демин перед ВГУ окончил Ростовское декоративно-прикладное училище. Мы с гордостью проходили мимо расположенного на углу возле главного корпуса магазина «Табак» (дом 26/28 на проспекте Революции). Витрины Дима расписал в теплых тонах под «Палех» так, что глаз не оторвешь. Ну а я на старших курсах открыл для себя еще один вид заработка: выполнял заказы для художника-шифтиста в Воронежском областном книгоиздательстве. Бережно как реликвию храню свой графический дебют: на пятом курсе мне доверили сделать обложку, титульный лист и заставки для разделов самого первого издания рассказов Г. Троепольского. Помню, когда в издательстве меня представили писателю, тот очень удивился, что оформитель его книги столь юн. И заметил, что у него никогда не было полевой сумки, что изображена на титульном листе. Я признался, что хожу с такой на занятия в университет. Гавриил Николаевич, рассмеявшись, похлопал меня по плечу.

Лишь на втором курсе мне удалось сдать сессию на одни пятерки и получать повышенную стипендию, что дало возможность позволить себе дорогостоящее хобби — цветную фотографию. Это сегодня нажал в аппарате на спуск, а всю остальную работу по изготовлению цветных отпечатков за тебя проделает

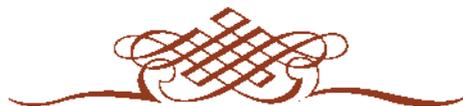
автоматика в ателье. В начале пятидесятых цвет только-только входил в фотолюбительство. Наша промышленность освоила выпуск очень дорогих трехслойных пленки и бумаги, каждый эмульсионный слой которых чувствителен к определенному диапазону солнечного спектра — синему, зеленому или красному. Обычно один из них на снимке превалировал, корректировать неизбежные ошибки приходилось при печати (в полной темноте!) с помощью набора 33-х светофильтров. Плюс специальные реактивы, которые продавались расфасованными в пробирках. Первым объектом моих опытов в цветной «светописи» стали, естественно, портреты любимой сокурсницы на фоне сада ее дома.

Мы учились в переломное время; когда были на третьем курсе, умер Сталин. Вскоре началась оттепель. Термина еще не существовало, но обновление жизни понемногу ощущалось. Ледяные глыбы сталинщины медленно таяли. По радио вместо бесконечных песен о вожде зазвучала легкая музыка. Духовный код того времени — вера для всех и свобода для каждого. Перемены ощущались и в университете. В ту пору наш курс впервые отправился на весь октябрь убирать картофель в село Боево. Наверное, не все со мной согласятся, но считаю, что та «экспедиция», знакомство с тяжелым физическим трудом пошли нам на пользу. Я, например, после «картошки» купил гантели. В университетской многотиражке, кстати, целые полосы посвящались спорту. Проводя время за книгами, мои сверстники не забывали о футболе, баскетболе. Ежегодно проводился кросс на приз газеты «За научные кадры». Нашей группе повезло: преподавателем физкультуры был легендарный Ю. Э Шукман. В газете «За научные кадры» нашел дружеский шарж на него с пояснением: «Преподаватель кафедры физкультуры и спорта Ю. Шукман подготовил трех мастеров спорта: Р. Александрова является чемпионом РСФСР по гимнастике, Л. Калиниченко — чемпионом СССР, Т. Люхина — чемпионом СССР по легкой атлетике среди девушек». Потом появились и чемпионы мира. Помню, как Юрий Эдуардович уговаривал нас, заядлых книжников, тренировать не только мозги, но и тело.

Неожиданностью для меня явилась статья «Занимайтесь легкой атлетикой» с портретом

нашего Толи Рябко, того самого, что потом побывал на Северном и Южном полюсах с фотокамерой. Я и забыл, что будущий фотожурналист был чемпионом Воронежской области. «Вместе с другим чемпионом — Володей Гладких (я учился с ним в мужской средней школе № 12) — Толя участвовал в составе сборной команды в эстафете 4 x 100 и внес поправку в таблицу областных рекордов». Володя пытался с помощью газеты поднять в родном вузе престиж легкой атлетики, сетовал, что из-за пренебрежения бегом и прыжками «за последнее время наблюдается некоторый застой в спортивных достижениях ВГУ... Как вырос бы класс игры наших баскетболистов, если бы в свою тренировку они включили больше легкоатлетических упражнений! Почему над этим не задумывается тренер баскетболистов Барышков?». Геолог Рева Барышков, с которым я подружился в драмкружке, парировал заметкой «Успех баскетболистов» о триумфе мужской и женских команд, выигравших первенство района, города и ставших обладателями четырех кубков!

В Боево, к сожалению, отсутствовал клуб; вечерами было скучновато. Я это учел, когда вновь прибыл на сельхозработы уже как преподаватель ВГУ. В Рогачевку и другие села Новоусманского района, куда ездил со студентами младших курсов университета на уборку все той же картошки, привозил узкоплечный проектор. В обкинопрокате набирал фильмы. После ужина студенты тянулись в школу, где я располагался со своей «Украиной». Сентябрь стоял теплый. Когда не было дождя, сеанс устраивал прямо на улице. Экраном служила белая школьная стена. Представьте, фильм на свежем воздухе производит иное впечатление, чем в помещении (или по телевизору). Прохладный ветерок, чуть-чуть колеблющаяся листва деревьев, громкая музыка и голоса из динамика, неведомая тебе черно-белая жизнь на экране — все это, сливаясь, волнует юные души. Стрекотал аппарат, крутились бобины. Не шелохнувшись сидели парни и девушки. Над нами было звездное небо, и я понял, что счастье многолико. (Так родилась идея будущего студенческого киноклуба ВГУ, столь дорогого моему сердцу.) А может, все дело в том, что тогда «мы были молодыми, и розы красные цвели...».

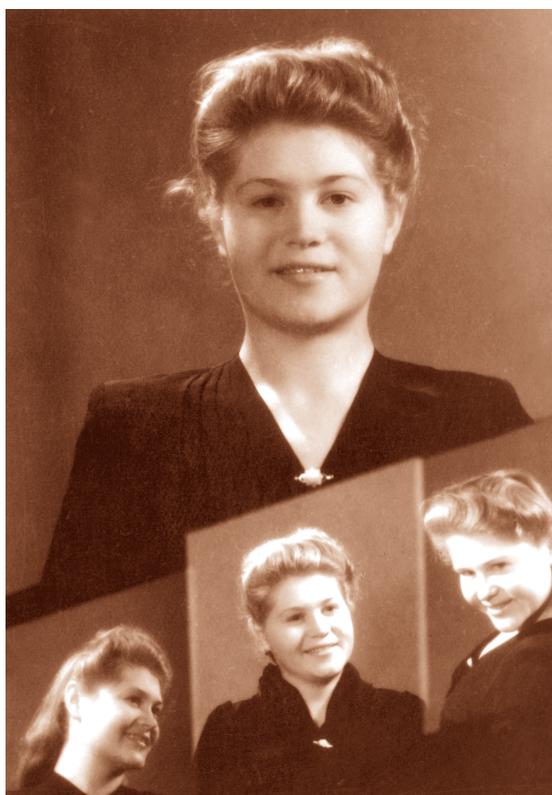




*В 1949—1954 гг. команда баскетболистов ВГУ — чемпион города среди студентов.
Крайние: справа — Р. Барышков, слева — Л. Гуревич*



Ура! Рева Барышков забросил мяч!



Это не открытка кинозвезды, а фото 1953 года старосты нашей группы Вали Золотухиной



В военных лагерях познакомились с ребятами со всех факультетов ВГУ. 1952 год



Участники сатирического спектакля ВГУ «У телевизора-54». (То был прообраз будущего театра миниатюр.) С аккордеоном наш сокурсник Юра Удолов. В нижнем ряду: вторая слева — Э. Глистенко, второй справа — Леня Гуревич. 1954 год



Сцены из спектакля
по пьесе Афиногенова
«Чудак». 1954 год



А. Арбузов.
«Домик на окраине».
Сцена из второго акта:
сестры (слева направо)
Вера (Г. Фомина), Надежда,
Любовь (Э. Глистенко).
1955 год



«Снегурочка» в ВГУ.
Партию Леля исполняет
Лиза Барышкова (слева). 1951 год



Сбор на демонстрацию — у главного («красного») корпуса ВГУ. 1952 год



*В Боево мы узнали,
как растет картошка. 1953 год*

